

Вспоминает священник Зигмунт КОЗАР¹

С сестрами-доминиканками из Вильнюса я познакомился около 1969 года; до этого я в течение года ничего не предпринимал, так как еще робел и в своей священнической деятельности не был смелым. И только после знакомства с прихожанами, когда я стал представлять, кто есть кто и откуда, и верующие начали приходить ко мне, жаловаться и плакать, я решился с сестрами познакомиться. Тогда мне приходилось часто ездить к прихожанам в Лиду, и я, сколько мог, привозил религиозные книги, предназначенные для сестер, которые затем отправлялись в Вильнюс. Позже, уже при Брежневле, стало возможно посылать книги по почте, но их все-таки проще было посылать через Лиду.

При встречах с сестрами мы часто обсуждали как исторические, так и богословско-литургические и философско-этические проблемы. На любую тему сестры высказывались четко, ясно, с подробным обоснованием своего мнения, ведь постоянно читали религиозно-философскую литературу. Я узнал, что между ними были разногласия относительно форм существования монашеской жизни в современных условиях: одни хотели, чтобы они были приближены к православным обычаям для сохранения правил восточной литургии; другие же — чтобы было ближе к западным образцам. Знаю, что из-за этого между сестрами были серьезные разногласия, и одна из них, Янина, ушла даже в общину латинского обряда.

Но при всех разногласиях они все же были всегда открыты для примирения и единения. Я замечал, что контакты у них были не только с православными, но и с протестантами. Они умели завязать отношения со всеми исповедниками Христа, кого встречали на своем пути. Это говорило о том, что их жизнь была церковной, монашеской, доминиканской, но также и экуменической.

Сестры участвовали тоже в тайных встречах, конференциях и совместных мессах с терциариями Доргобужа, Болеславца, с Западной Украины. Это была своего рода взаимная поддержка и не только духовная, она давала возможность поддерживать различные поручения и просьбы сестер, которые я передавал в Польшу. Оттуда я привозил в помощь им деньги и всякие мелочи. Но главное, что у нас с ними были глубокие душевные контакты.

Конечно, иногда они рассказывали о том, как их преследовали, изгоняли и мучали, как приходилось им тяжело в лагерях и ссылках, какие формы катехизации возможны были в разных местах. С ними происходили веселые и забавные истории, но чаще — грустные. Что можно рассказать о самих сестрах?

Сестра Филомена² имела жесткий характер, очень требовательная к самой себе и достаточно резкая в отношении к другим. Она была убеждена, что все ее решения всегда правильные, она не желала даже слушать никаких возражений. В дискуссии по вопросу монашеской жизни она имела настолько твердое и определенное мнение, что была убеждена, — все просто обязаны были слушать только ее, как настоятельницу. Так

¹ Интервью проведено Маргаритой Курганской, текст интервью расшифрован и переведен с польского Ольгой Салнит.

² Эйсмонт Софья (Филомена) Владиславовна. Справка на нее и нижеследующих приведена в конце статьи, в "Алфавите упоминаемых лиц".

что при ней выражать свое собственное мнение было нельзя, да и бессмысленно. Но я ведь тоже был достаточно упрям и не всегда хотел ей подчиняться. Кажется, что она даже раза два плакала из-за меня. А однажды я почти насильно заставил ее поехать куда-то, чтобы она там увидела, как можно больше, и желая сделать ей приятное.

Сестра Филомена рассказывала, что их неоднократно арестовывали, приговаривали к различным срокам наказания, потом освобождали и вновь арестовывали. Об игуменье, матери Екатерине Абрикосовой³, она вспоминала, что та в тюремной камере стала спасением для многих несчастных, обманутых, усталых и часто доведенных следователями до безумия женщин, за что заключенные ее очень уважали. О матери Екатерине сестра всегда говорила, как о человеке высокой духовности, достойно переносившей тяжкие испытания.

Абрикосовская община сестер-доминиканок включала в себя как молодых новиценок, так и монахинь — студенток и профессуру, и была многонациональной. Здесь были полячки, еврейки, украинки, латышки, русские — и все они жили в единении и любви. Дисциплина в общине была очень строгой, правила монашеской общины выполнялись неукоснительно. Это стало причиной повышенного интереса органов ГПУ к общине и быстрой ликвидации ее. А сестры оказались в заключении только за то, что проводили активную церковную и экуменическую работу среди интеллигенции, что очень не нравилось властям.

В своих скитаниях сестры подвергались изощренным преследованиям только за то, что продолжали верить в Бога и при всех испытаниях, как только было возможно, несли веру Христову людям. После освобождения к сестрам отовсюду приезжали позднее прежние знакомые и друзья, которых они приобщили к вере, за советом и поддержкой. Так что и на свободе они продолжали апостольское служение.

* * *

Когда я познакомился с сестрой Норой Рубашовой⁴, то во время наших бесед я постоянно задавал ей вопрос, — кто продолжит их дело, ведь некому его передать, сестры умирают, а новых кандидаток совсем мало. И сестра Нора отвечала: «Ничего. Мы свое дело сделали. Да, сделали. Наверное, умрем. Но после нас придут другие. Может быть, все будет по-другому, и монашеская жизнь будет уже в другой форме».

Сестра Нора была замечательной, такой открытой Богу и людям, всегда такая радостная, с огромной надеждой на будущее. Она жила в Москве в достаточно специфических условиях, — под ее дверью были установлены подслушивающие устройства. Поэтому мы часто переговаривались с ней знаками или писали друг другу записки: она спрашивала, я отвечал ей. Или же выезжали за город и там уже спокойно обсуждали все. Она меня водила по Москве, и я впервые, кажется, именно с ней очутился в метро. Я часто ночевал у нее, она ухаживала за мной, кормила. Бывали иногда и забавные случаи, например, эпизод с апельсинами.

Однажды мне так захотелось апельсинов, что я еще по дороге к ней купил их, благо они были тогда дешевыми, и сразу же начал их есть.

³ Абрикосова Анна (Екатерина) Ивановна

⁴ Рубашова Нора (Екатерина) Николаевна

Сестра Нора увидела это и купила еще, она ведь для меня ничего не жалела. Утром я обнаружил, что у меня вздулось на лбу, на руке и на ноге, — и все это чешется. Она увидела, что я чешусь и говорит: «Ну, вот, наелся апельсинов, и у тебя диатез». На следующее утро я встал, и опять все чешется, хотя я уже апельсины не ел. А над кроватями у нее висели иконки и картинки. Я посмотрел и вижу — там клопы, правда, высохшие. Я говорю: «Сестра, посмотри — вот ваши апельсины, тут сидят». Она рассмеялась и отвечает: «Я тут столько лет живу, никогда меня не кусали». А я говорю: «Ваша кровь или святая, или несладкая». И мы так с ней смеялись. Теперь, когда я ем апельсины, всегда ее смех вспоминаю.

Когда сестра Нора приехала в Варшаву, то я ее везде водил. А потом уговорил ее поехать в Ченстохово⁵, хотя она не очень хотела, говоря: «Что я туда поеду? Божия Мать везде та же самая, я не хочу». А я ей: «Сестра, вы увидите глаза этой Божией Матери». И мне удалось в Ченстохове провести ее к самому алтарю и усадить там. Потом она участвовала еще в двух-трех мессах там. Позже она сказала мне: «Да, ты был прав». А я ей ответил: «Сестра, это та же самая Божия Мать, только она смотрит на нас глазами с разных икон, из всех мест, но она та же самая». И она согласилась со мною.

⁵ Ченстохово — город в Силезском воеводстве, духовная столица Польши и главное место паломничества.

Алфавит упоминаемых лиц

АБРИКОСОВА Анна (Екатерина) Ивановна, родилась в 1882 в Москве. Мать умерла во время родов Анны, отец скончался через 9 дней от скоротечной чахотки; воспитывалась вместе с четырьмя братьями в семье своего дяди Николая Алексеевича Абрикосова. В 1903 — окончила Гартонский колледж Кембриджского университета. В 1903 — вернулась в Россию; вышла замуж за В.В. Абрикосова. С 1905 — путешествовала с мужем по Европе, 20 декабря 1908 — перешла в католичество в Париже. В 1910 — вернулась с мужем в Москву, в 1913 — принята в новициат Третьего ордена Св. Доминика под именем Екатерина. В 1917 — после Февральской революции встала с мужем на восточные позиции. После принятия ее мужем рукоположения 19 февраля 1921 — на квартире Абрикосовых была основана женская община сестер-терциарок ордена Св. Доминика, стала ее игуменьей. 12 ноября 1923 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Екатеринбургский, затем — Тобольский и Ярославский политизоляторах. 9 августа 1932 — освобождена досрочно по состоянию здоровья с запретом проживания на 3 года (-12). Проживала в Костроме, приезжая в Москву для консультаций с врачом, посещала богослужения, тайно встречалась с молодежью на квартирах. 5 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Ярославский политизолятор. 23 июля 1936 — скончалась в Бутырской тюремной больнице.

РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Проживала в Москве. Окончила гимназию, поступила в консерваторию. Летом 1923 — перешла в восточный обряд и вступила в общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Обдорск Нарымского, работала машинисткой в конторе. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — пострижена в монахини с именем Филомена. Осенью 1930 — выехала в Одессу, затем — в Смоленск, с 1931 — в Москве, работала машинисткой в банке, с марта 1933 — в Рязани. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг, со 2 февраля 1935 — в Ухтпечлаге, с 1938 — в Воркутлаге. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, с 1943 — в Уральске, с марта 1947 — в Малоярославце, с апреля 1947 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее — в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно, выехала в мест. Майшогала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее — в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась в Вильнюсе.